

РУССКИЕ СРЕДИ НАРОДОВ БАЛТИИ: ИСТОКИ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ И ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Р.Х. Симонян, Т.М. Кочегарова

Институт социологии РАН. 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, кор. 5.

Страны Балтии – ближайшие соседи России, история которых тесно связана с нашей страной, как во времена Киевской Руси, Московского княжества, Российской империи, Советского Союза, так и сегодня, в рамках широкого общеевропейского контекста. Россия и страны Балтии входят в состав Балтийского региона, роль которого в построении общеевропейского дома является ключевой. Именно здесь Россия и Евросоюз непосредственно соприкасаются, здесь происходит взаимодействие разделённых противостояниями XX в. европейских народов, в этом пограничном пространстве происходит социокультурная диффузия между двумя самыми большими частями европейского континента.

В эпоху глобализации политике добрососедства уделяется повышенное внимание, ибо сотрудничество стран-соседей является необходимой гарантией стабильности мировой системы. Но чтобы это сотрудничество было продуктивным, необходимо иметь адекватное представление о соседних странах, о процессах там происходящих. Познание ближайшего окружения является необходимым условием добрососедства, готовности прийти на помощь, если это понадобится. А в нынешней цивилизации повышенных рисков взаимопомощь определённо будет востребована.

Исторический опыт показывает, что отсутствие объективного знания является причиной непонимания, а часто даже источником вражды. Речь идёт не столько об интересе к соседним народам и необходимости иметь достоверное знание о них, сколько о тесно связанной с этим знанием исторической ответственности. Особенность истории заключается в том, что она неразрывно связана с современностью. Для принятия государственных решений необходимо иметь как можно больше достоверных знаний о тех процессах, которые привели к современному состоянию, об исторических условиях складывания общественной психологии народов-соседей, формах проявления их национальных особенностей.

В статье на основе социологических методов – от изучения документальных и литературных источников, анализа результатов массовых опросов до групповых дискуссий и включённого наблюдения – рассматривается генезис взаимовосприятия и взаимоотношений русского и прибалтийских народов.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, фактор соседства, общее и особенное, западное и восточное христианство, Балтийский регион, социокультурный феномен мигранта, мифологемы и стереотипы в процессе восприятия этносов.

В советское время Латвия, Литва и Эстония всегда воспринимались как единое целое – «Прибалтика», которая для массового сознания советских людей являлась одновременно и форпостом западноевропейской цивилизации, и наиболее благополучным регионом, и местом престижного отдыха, и примером рационально организованного быта. Это представление о наших соседях сохранилось и в нынешней России. То, что эти страны роднит, связано, главным образом, с историческими судьбами последних трёх-четырёх веков. Это обычная участь региона, расположенного или между большими государствами, или на границе цивилизаций. Промежуточное географическое положение таких регионов делает их особыми социокультурными зонами. Население таких территорий обладает определённым набором тех качеств, которые необходимы в первую очередь для сохранения своей идентичности, выживания. Конечно же, это, прежде всего, двуязычие (или многоязычие).

В то же время между прибалтийскими этносами существуют весьма значительные различия. В становлении и развитии латышской и эстонской культуры чрезвычайно большую роль сыграли немцы, в том числе и в народном образовании: в Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерниях уже в начале XIX в. было создано около 50 сельских школ. В 1890-х гг. вся эстонская молодёжь, включая и сельскую, умела читать и писать. В. Ленин с полным основанием назвал в 1918 г. Эстонию «поголовно грамотной страной» [9, с. 264]. В 1930-е гг. среди всего населения Эстонии было 8% неграмотных, в Латвии – 11%, в Литве – 37% [13, с. 59].

В отличие от соседей, литовцы в своём этногенезе испытывали воздействие славянской культуры, сначала русской, а затем польской. «Литва оставалась зажатой между православной Русью и массивом католической Европы» [3, с. 144]. Но влияние русской культуры было более ёмким. Так, вплоть до начала XVIII в. древнеславянский язык был официальным государственным языком Литвы, на нём написаны все основополагающие документы, в том числе Статут и Метрика. Воздействие русской культуры на развитие всех трёх прибалтийских этносов в равной мере стало доминирующим уже в период новейшей истории – в XIX–начале XX в. и в советскую эпоху. Тогда же начали формироваться взаимный интерес и взаимные представления наших народов, и стала проявляться роль в этих процессах национальной психологии.

Особенности менталитетов трёх балтийских народов нашли своё отражение в политике, которую они проводили по отношению к центру в советское время. Литовские руководители демонстрировали теплоту и близость в отношениях, что позволяло достигать существенных практических результатов, прежде всего в объёме капиталовложений в развитие хозяй-

ства. Но ещё важнее оказалось, что республике удалось избежать массовой трудовой иммиграции. Литва была одной из самых этнически однородных республик в СССР. Эстонские руководители держали себя несколько отстранённо, демонстрируя, с одной стороны, предельную лояльность, а с другой, не проявляя особой заинтересованности в признании центра. Для латышей же такое признание было приоритетной ценностью. Латвийское руководство всегда проявляло максимум инициативы и исполнительности, чтобы добиться расположения Москвы, и это старание соответственно вознаграждалось. В состав Политбюро ЦК КПСС латыши входили постоянно (А. Пельше, А. Восс, Б. Пуго). Приведём очень характерную статистику, подчёркивающую отличие Латвии от соседей. В этой республике, по данным переписи 1989 г., среди русских было в 2 раза больше работников управленческого аппарата (6,4%), чем среди латышей (3,0%), а удельный вес руководителей коренной национальности в Латвии был всего 51,2%, в то время как в Эстонии – 62,5%, в Литве – 79,6%, [11, с. 63]. После обретения независимости это вызвало ответную реакцию: в Латвии русская община испытала наиболее сильное давление национал-радикальных правительств. Есть и другие показатели, отличающие латышей от своих соседей. Если в 1989 г. среди эстонцев только 34,9% свободно владели русским языком, среди литовцев таких было 39,1%, то у латышей этот показатель был значительно выше – 64,7% [11, с. 78]. Латыши значительно чаще вступали в межнациональные браки (24,7%) по сравнению с литовцами (11,5%) и эстонцами (14,7%) [11, с. 79]. Причём, как это часто бывает, рождённые в этнически смешанных семьях склонны к проявлению крайней степени русофобии. Так, среди лидеров наиболее радикальной латышской националистической партии «Тевземей ун Бривибай» («Отечеству и свободе») сегодня немало лиц с русским происхождением и русскими фамилиями. Явление достаточно распространённое, сродни высокой доле представителей иных национальностей среди наиболее агрессивных приверженцев русского шовинизма.

В силу исторических причин, литовцы – психологически очень близкая к славянам нация. Они лучше понимают русских, чем латыши и эстонцы. Возможно, одна из причин заключается в том, что в национальном сознании литовцев иррациональная составляющая играет более заметную роль, чем у соседей. Литовцы более эмоциональны, более пластичны и изобретательны и, пожалуй, более свободны в общении, а свойственный балтийским народам немецкий педантизм не столь настойчиво проявляется в повседневном общении. Схожесть литовцев со славянской ментальностью проявляется в общественной практике. В качестве примера можно сослаться на то, что сельский уклад жителей Литвы и Белоруссии, особенно её западных областей, практически неразличим.

■ Мировая политика

Окружающая среда определяет образ жизни, формирует психологию. Большинство балтийских племён – это люди побережья. Море как естественная преграда ограничивает миграционный потенциал. С другой стороны, как источник жизнеобеспечивающего промысла море также удерживает приморские народы от экспансии вглубь суши. В случае истощения земель славяне могли выжечь соседний лес и легко перебраться на новые, более плодородные земли. Этот алгоритм экстенсивного освоения окружающей среды сохранился с тех далёких веков в нашем генотипе. В отличие от славян, народы Балтии вынуждены были научиться выживать на своих малопродуктивных, болотистых землях. Вряд ли можно считать плодородными земли Нечерноземья и русского Севера. Мекленбург, Шлезвиг, север Польши тоже не отличаются плодородием в сравнении с Литвой. Это вырабатывало психологические механизмы глубокой привязанности к территории проживания и соответствующее национальное мировосприятие. Здесь необходимость жить на одном и том же месте заставляла не только придумывать разного рода приспособления для жизнеобеспечения, но и пытаться влиять на власть, вступать с ней в диалог. В этом регионе не могло быть явления, характерного для России – бегства народа от власти на неподконтрольные ей окраины страны.

Взаимосвязь природной среды и национальной психологии была замечена В.О. Ключевским, который писал: «В одном уверен великоросс – что надобно дорожить ясным летним рабочим днём, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето ещё укорачивается безвременным, неожиданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убраться с поля. Так, великоросс приучился к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время; но нигде в Европе, кажется, не найдём такой непривычки к ровному, умеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии» [7, с. 313–314].

Существует известное утверждение Генри Киссинджера о том, что «восприятие народом самого себя «изнутри» и восприятие его другими народами «извне» в принципе несовместимы: народ «изнутри» – это чаяния, искания, идеалы, стремящиеся претвориться в реальность, а народ «извне» – лишь фактор в столкновении интересов и игре сил на исторической арене» [24, р. 87]. Этот тезис вполне справедлив, когда речь идёт о ситуации политического противостояния, о глубоко политизированных этносах, чьи идеалы воплощены в концепциях власти. Но он игнорирует ситуацию социокультурного обще-

ния этносов, когда ценности одного посредством взаимобмена адресуются сознанию другого. Именно такая ситуация возникла в послевоенный период, когда складывались образы русского в глазах прибалтов и образы прибалтийских этносов в глазах русских. В советское время происходил интенсивный процесс расширения границ расселения русских. Если в 1926 г. в Советском Союзе вне РСФСР проживали 5,8 млн русских (6,7% русского населения СССР), то в 1989 г. – 25,3 млн (17,6%) [15, с. 209]. Русские в большей степени, чем народы других республик, воспринимали всю страну как свою родину, не испытывая вне России – в других союзных республиках – особых трудностей в адаптации. Русские были государствообразующим этносом, составляли большинство населения страны, русский язык был как государственным, так и языком межнационального общения, столица РСФСР была столицей всего СССР. Не менее важным было то, что именно в сознании русских наиболее активно формировалась идеология советского народа как «новой исторической общности».

Интенсивная миграция русских в Прибалтику была связана со строительством и освоением новых производственных объектов всесоюзного значения, для чего были привлечены по «оргнабору» десятки тысяч жителей российского Нечерноземья. За оргнабором почти всегда следовал «иммиграционный шлейф» – переезд родственников переселенцев. Так, с 1960 по 1990 гг. на постоянное место жительства в Эстонию переехали 11,5% сельского населения Ленинградской и 12% Псковской областей. К моменту распада СССР доля русских в Эстонии составляла 31,6% (в 1940 г. 8%), при этом приезжие оседали в крупных городах, создавая районы компактного проживания. К этому времени столицы прибалтийских республик стали, по существу, русскоязычными городами. Так, если в Риге в 1940 г. русских было 9%, то в 1991 г. уже 47,5%, а латышской всего 39,4% [12, с. 22].

После распада Советского Союза русские утратили свой статус и особое положение. Более того, в глазах титульного населения они стали олицетворением тоталитарного режима, от которого только что удалось избавиться. Проблемы, с которыми тогда столкнулись русские в странах Балтии, лежали не столько в сфере экономики и политики, сколько в психологической сфере. Русскоязычное население было значительно менее подготовлено к распаду страны, чем титульное население. «Этот социально-психологический шок лишь усиливался в результате того, что большинство русскоязычного населения в Латвии и Эстонии оказалось в ситуации безгражданства в новых государствах» [16, с. 15]. У людей, ставших внезапно иностранцами в своей стране, неизбежно возникает острая проблема идентификации. «Поскольку русские традиционно отличаются коллективизмом, – подчёркивает в этой связи Дэниел Ранкур-Ла-

ферьер, – кризис идентичности просто обязан был оказаться весьма болезненным» [14, с. 47].

Анализируя социокультурную травму, пережитую русскими в Прибалтике в 1990-х гг., необходимо заметить, что ей предшествовала другая не менее острая травма. Она затронула коренное население стран Балтии и «реализовалась как опыт жизни рядом с многочисленной русской общиной, увеличившейся в послевоенное время в несколько раз, – пишут социологи А. Аарелайд и И. Белобровцева. Со второй половины 1940-х годов оставшиеся на родине эстонцы пережили потрясающий культурный шок, когда их в целом патриархальный, сельский уклад жизни суровыми средствами (депортации, аресты, расстрелы) изменяли на “гимн новой жизни”. Эстонцы научились двойной игре с советской властью, однако с вторжением в своё культурное пространство многочисленных носителей чужой культуры они не могли и не хотели мириться» [1, с. 153–154]. Вот как характеризует советизацию Прибалтики латышский агроном Отто Эглайс в письме к Н.С. Хрущёву: «Мы внезапно оказались перенесёнными из цивилизованной Европы на много столетий назад, в ужасное царство Тамерлана» [21].

Балтийским народам свойственно особенное, идущее ещё со времён язычества, сакральное отношение к своей земле, что давало повод в советские времена квалифицировать это качество ироническим термином «хуторяне». Для прибалтийских народов родной дом – это часть самого себя, т.е. одна из базовых ценностей, в содержании которой отражается глубокая привязанность человека к родному очагу, родине, памяти предков. Чувство органического единения со своей землёй так велико, что разорвать эту связь для них большое испытание. Поэтому с большим удивлением и настороженностью они воспринимали появление на своей земле огромной армии пришельцев, с лёгкостью покинувших свою землю.

Трудовой мигрант, или, по принятой тогда терминологии, «лимитчик», покидал родину потому, что там возникло несоответствие между его потребностями и тем, что могло предложить ему общество. Он бежал не от родины, а за счастьем, точнее, за высоким уровнем потребления, поэтому местные жители и их культура в его глазах были лишь досадной помехой. Отсюда агрессивное восприятие образа жизни коренного населения, его культуры в целом. Трудовые мигранты вместе с военнослужащими Прибалтийского военного округа и военными оставниками, осевшими в этом регионе, составили более трёх четвертей общего количества российской диаспоры в прибалтийских республиках. Это были не всегда лучшие представители этноса, поэтому самопредставление русских жителей в прибалтийских республиках – мы «нация Пушкина, Чайковского, Достоевского, Чехова» – часто не находило признания у местного населения.

В развитии национальной культуры прибалтийских этносов чрезвычайно большую роль сыграла деревня, поскольку в городе доминировали чужеземцы. Сельский уклад с меньшим объёмом внешних коммуникаций позволял сохранять социокультурную автономность балтийских народов. Обладая длительным опытом противостояния чужеземцам (немцам, датчанам, шведам, полякам, русским), прибалты выработали собственные способы защиты и сохранения своих этносов, главным из которых является не воинственность, а социально-психологическая отстранённость от власти, закрытость, способность в неблагоприятной среде «уходить в себя». Особенно ярко это качество проявляется у самого малочисленного балтийского этноса – эстонцев, которые даже среди своих соседей имеют репутацию крайне необщительных. Закрытость, недоверчивость, или, лучше сказать, здоровый скептицизм, сформировали историческую традицию тихого, но стойкого способа сохранения идентичности у малочисленных народов Балтии.

Размеры страны и её населения играют важную роль в формировании образа этноса. Из 1,3 млн населения Эстонии этнических эстонцев около 900 тысяч – в 2,5 раза меньше, чем жителей Южного административного округа Москвы. Эту несопоставимость масштабов трудно исключить из русского подсознания. Латыши, литовцы и эстонцы – малочисленные народы. Фактор несоразмерности численности этносов часто выпадает из критериев сравнительного анализа, хотя во многом он является определяющим. Различия в психологии «большого» и «малого» народов проявляются в уровне взаимного интереса. Балтийские этносы более внимательны к особенностям русских, чем русские к характерным чертам латышей, литовцев или эстонцев. Русскому свойственно экстраполировать свои собственные установки на представителей рядом живущих этносов. Отсюда неожиданность для него иной, чем он предполагал, реакции со стороны знакомого или коллеги из прибалтов на ту или другую ситуацию. Такую ошибку почти никогда не допускают наши балтийские соседи.

Сравнение большого и малочисленного этносов – это качественно иной анализ, чем сравнение двух равновеликих этносов. В таком интегративном понятии как «русскость», многочисленность народа и обширность его территории является важнейшей компонентой, как самоидентификации, так и восприятия его другими народами. Соответственно, в понятии «эстонскость» имплицитно присутствует указание на скромные размеры и народа, и его территории. Поэтому во взаимном восприятии русских и прибалтов нет симметрии, и как высокорослым и низкорослым людям им свойственны различные комплексы. В этой связи первый министр иностранных дел в обретшей независимость Латвии Янис Юрканс справедливо заметил, что «России надо избавляться от комплекса величия, а Латвии от комплекса преследования» [22, с. 3].

■ Мировая политика

Социальные невроты малых этносов проявляются как в повседневной жизни, так и в политической практике. Термин «Прибалтика» в течение первых 10–12 лет был исключён из официального употребления из-за негативной коннотации, ибо, по мнению местного политического истеблишмента, он относится к имперскому, «царско-советскому» лексикону. Сегодня эстонские политики идут ещё дальше, они предлагают считать свою страну принадлежащей к Северной Европе, а не к Балтии. Точно так же нейтральный термин «республика» является здесь в известной мере нежелательным из-за реминисценции с советским прошлым. Поэтому некоторые политики Латвии, Литвы и Эстонии, т.е. жители государств, которые по своему устройству являются классическими, можно даже сказать, эталонными республиками, вполне серьёзно настаивают на том, чтобы их в обыденной речи «республиками» не называли. Государствами, странами, субъектами международного права, членами Евросоюза, но только не республиками. И к этим, на первый взгляд, чудачествам следует относиться с определённой долей снисхождения, так как часто именно в таких несущественных деталях проявляются свойственные малочисленным народам комплексы.

В этой связи показателен следующий эпизод. Вскоре после получения Нобелевской премии в 1933 г. в Ригу, которая тогда была одним из центров русской эмиграции, приехал Иван Бунин. Почётного гостя принял министр образования Латвии Вилис Гулбис. Во время беседы присутствовал переводчик, который переводил с русского на латышский и обратно. Желая помочь собеседнику, воспитанный гость перешёл на французский язык. И только тогда министр перешёл на русский, которым, он, естественно, владел совершенно свободно.

Этот свойственный малым этносам способ самоутверждения является психологической компенсацией и побуждает представителей великого народа «занять снисходительную позицию по отношению к “надуванию щёк” малыми народами» [4, с. 7]. Именно эту позицию характеризует метафора «хуторяне» по отношению к представителям народа, который постоянно занят выживанием среди могущественных соседей.

За последние сто лет многие малые этносы исчезли, растворившись в других, более крупных. Поэтому картина мира у больших и малых народов различная. Так, в представлении сельского жителя Прибалтики Вторая мировая война – это вообще некая абстракция, для «хуторянина» её не было. Реальность для него было иной: сначала пришли русские в 1940 г., затем пришли немцы в 1941 г., а потом вновь пришли русские в 1944 г. Узость геополитического кругозора прибалтов плохо воспринимается русскими, про которых устами одного из своих героев Ф. Достоевский говорил: «широк русский человек, надо бы сунуть». Великая нация с тради-

ционно-мессианскими амбициями не готова на равных общаться с малочисленными этносами.

Но у малочисленных народов есть и свои несомненные достоинства. «Преимущества малых народов, – замечает польский общественный деятель Адам Михник, – неимперский характер, который делает их естественными союзниками свободы и терпимости. Их опыт – столетия существования в обстановке давления и репрессий – обуславливал специфическую духовность со свойственными ей достоинствами и самоиронией, упорством в защите ценностей. Здесь гражданское и национальное сознание формировалось как результат межчеловеческих связей, а не по наказу государственных институтов. Здесь легче было выразить идею гражданского общества, ибо культурная разнородность территорий часто становилась наилучшим средством защиты от идеологических державных притязаний» [10, с. 31].

Гордящиеся своим коллективизмом русские, прибалтов считают индивидуалистами. Действительно, для балтийских этносов такой социальный феномен как «крестьянская община» не был характерен. «Жизнь эстонца и латыша с детства проходит в одиночестве, почти незнанием русскому», – свидетельствовал русский журналист в дореволюционной газете «Рижский вестник» [13, с. 67].

Но эти оценки, как и всякие стереотипы, условны. Двигателем демократических процессов в прибалтийских республиках стала горбачёвская перестройка с её идеей демократизации общественной жизни и строительства подлинной («ленинской») федерации. Удачно найденное название этих процессов в Прибалтике – «поющая революция» – связано с тем, что митинги и демонстрации титульных народов больше походили на певческие праздники. Латыши, литовцы и эстонцы располагали огромным репертуаром своих национальных песен, тексты и мелодии которых с детства были глубоко усвоены каждым.

Представители русской диаспоры также пытались петь на своих митингах в Риге, Вильнюсе, Таллинне, но быстро «выдыхались». Оказалось, что своих национальных песен, кроме разве что «Катюши» и ещё двух-трёх, у русских нет, а если и есть, то мало кто их помнит. Со стороны этот контраст производил гнетущее впечатление. Социологи фиксируют, что по уровню консолидации прибалты превосходят русских. Ярким примером этого является реакция литовцев на скандальную продажу акций концерна «Мажейкяй нафта» американской компании «Вильямс Интернэшнл» в 1999 г. Более сотни тысяч жителей, прибывших из разных городов Литвы организовали в Вильнюсе перед зданием Сейма протестный митинг, приведший к смене в нём правящего большинства.

Если русские отмечают у представителей прибалтийских этносов дисциплинированность, бережливость и аккуратность, внимание

к деталям, то у прибалтов вызывает удивление доверчивость русских, их склонность верить обещаниям властей, чрезмерная политическая наивность. Трудно вообразить себе в странах Балтии даже самого «тёмного» крестьянина, который проголосовал бы на выборах в парламент своей страны за неизвестно откуда взявшуюся партию без лидеров, без программы, без организации, а только потому, что её откровенно и агрессивно навязывали по телевизору, как это было с партией «Единая Россия» перед парламентскими выборами в 2003 г.

Образ другого государства и, соответственно, образ представителя этого государства для обывателя в значительной мере формируется средствами массовой информации, которые часто зависят от политической конъюнктуры. Россия не является исключением. В 1990-х гг. российские масс-медиа боготворили Запад, а сегодня его жёстко критикуют. Опросы общественного мнения позволяют определить не столько восприятие нашими согражданами соседних народов, сколько оценить эффективность пропаганды. «В массовом сознании жителей России сложилось два мифа – один о народах Балтии, другой об их отношении к русским. Всё различие суждений о странах Балтии проистекает из вольного комбинирования этих двух мифов» [17, с. 50]. Более объективный анализ взаимного восприятия русского и балтийских этносов можно осуществить не опосредованно, без «медиа-составляющей», «телевизионного слоя» массового сознания. Сегодня в странах Балтии из 7 млн жителей более 1,6 млн составляют этнические русские, а всего русскоговорящих почти 2 млн человек. Практически все они являются жителями крупных городов, что делает этот регион реальным проблемным полем для проведения сравнительных межэтнических исследований.

В первые годы независимости энергию ложных стереотипов, возбуждённую масс-медиа обеих сторон, умело использовали крайние национал-радикалы для давления на руководство республик. Известный в Латвии публицист и политический деятель Б. Цилевич считает, что в период становления государственности официальная государственная стратегия стран Балтии строилась и популяризировалась «на наборе мифов и очевидных для неподвзятых глаз несообразностей» [20, с. 268]. В качестве примера он приводит наиболее распространённые. Миф первый: «Русские жители Латвии и Эстонии не лояльны, если им дать гражданство – рано или поздно они станут «пятой колонной» и Россия вновь оккупирует наши страны под предлогом защиты этих людей», что было впоследствии опровергнуто многочисленными результатами массовых опросов, проведённых социологами титульных этносов. Миф второй: «Вот выгоним русских – и на всех всего хватит, будем сами хозяевами в своём государстве». Несмотря на то, что русские налогоплательщики пополняют

бюджет по тем же самым нормам, что и титульное население, далеко не все русские обладают равными социальными, а, следовательно, и возможностями в потреблении материальных благ, которые имеют представители титульного населения. Следовательно, наоборот, исход русских ухудшит материальное положение титульного населения. Миф третий: «Русские опережают титульных в воспроизводстве». Если подобная тенденция и проявлялась в прошлом, то в течение последних десяти лет происходит обратный процесс, что подтверждается государственной статистикой. Это объясняется территориальным распределением населения Балтии: титульные этносы преобладают в сельской местности, где традиционно уровень рождаемости выше. Миф четвёртый: «Более высокая политическая активность русских», и, следовательно, потенциальная угроза изменения общегосударственной политики, если всем русским дать возможность участвовать в выборах в парламент. Практика свидетельствует об обратном: русские политически пассивны – только треть обладающих избирательным правом пользуется им, что вызывает досаду у руководителей партий левого политического спектра.

Российские масс-медиа в 1990-е гг. также активно создавали свои мифы о странах Балтии. Самый популярный – бегство русских из этих стран в Россию. Но после того как в соответствии с межгосударственными соглашениями из бывших прибалтийских республик в 1993/1994 гг. выехали семьи военнослужащих Прибалтийского военного округа, не было сколько-нибудь заметной миграции. Массовый исход русских в 1990-е гг. был из многих бывших союзных республик, но не из прибалтийских. Наоборот, росло число россиян, стремившихся переехать туда на постоянное место жительства.

Ещё один миф, внедряемый СМИ в массовое сознание россиян – тезис об особых гонениях на русский язык в странах Балтии. Ущемление русского языка после распада СССР произошло во всех национальных республиках, кроме, пожалуй, Белоруссии. При этом наибольшие потери в этом плане были не в Прибалтике, а на Украине, в Азербайджане, Казахстане, среднеазиатских республиках, и, как это ни парадоксально, в самой России: в бывших автономных республиках СССР в Башкирии, Татарии, Туве, Якутии и др. [18, с. 98–99].

Национал-радикальные политики стран Балтии особенно усердствовали в 1990-х гг., создавая давление на русских. Но их расчёты не оправдались: русские готовы были приспособиться к новому положению, терпеть лишения, но только не возвращаться в ельцинскую Россию, ибо то, что происходило на исторической родине в «лихие 90-е», не являлось секретом для нашей диаспоры.

С этим связаны формы аккультурации, в том числе в создании семьи: русские оценивали перспективу брака с представителями балтий-

■ Мировая политика

ских народов значительно выше, чем латыши, литовцы и эстонцы – перспективу брака с русским. Так, среди литовцев – студентов и старшеклассников Вильнюса негативно оценивали брак с русскими 40%, а среди русских брак с литовцами – 9% [27, р. 155]. К этому можно добавить, что детям от смешанных браков родители чаще дают прибалтийскую, а не русскую национальность. Например, в период 1990-х гг. из достигших совершеннолетия детей в смешанных семьях титульную национальность выбрали в Вильнюсе 55%, в Риге 57%, в Таллинне – 62% [26, р. 218].

Многие события современной российской политической жизни (вроде парламентских выборов или запретов демонстраций и митингов в городах России) для балтийских этносов, которые совсем ещё недавно входили в одну общую с Россией страну, служат одновременно и поучительным, и предостерегающим напоминанием. И в то же время вызывают рост самоуважения у титульных народов Балтии, которые с удовлетворением отмечают более высокий уровень гражданской зрелости населения своих стран. Это настроение наших соседей метко охарактеризовано одним из российских политологов, побывавших в странах Балтии: «Так приятно, глядя на Россию, сознавать, какой ты сам европеец» [8, с. 18].

Разумеется, необходимо учитывать то объективное обстоятельство, что четыре поколения русских в XX в. сформировались в военных и полувоенных условиях. Ситуация войны воспитывает определённые качества, в том числе высокие и благородные – самоотверженность, безразличие к материальному комфорту, умение мобилизоваться в короткий срок, отдать всё для блага государства. Но одновременно и деформирует сознание людей, резко снижает цену отдельной человеческой жизни и, что особенно опасно, уничтожает индивидуальность, делает людей легко манипулируемыми, учит их подчиняться воле вышестоящих без размышлений. Здесь коренится ещё один аспект формирования образа русского этноса в представлении соседей.

Сравнительный анализ постсоветской реальности является одной из причин парадокса, отмеченного прибалтийскими социологами. Как правило, русские жители Балтии дают титульным этносам оценку значительно более высокую, чем ту, что те дают сами себе. Социологические данные 2000 г., которые приводит Х. Хейно, показывают, что русские респонденты приписывают эстонцам положительные качества чаще, чем сами эстонцы. Можно объяснить эту закономерность некоторой дозой самоуничижения, свойственной русским (наряду с комплексом величия), но, несомненно, она указывает на одну из причин привлекательности этого региона для русских. Осознанно или неосознанно русских притягивает всё, что олицетворяет для них европейский уклад. Так, политически активными считают себя 31% эстонцев, но русских с такой же оценкой эстонцев – 40%. Эстонцев, считаю-

щих себя честными – 39%, русских так характеризующих эстонцев – 55%. Эстонцев считают себя трудолюбивыми – 66%, соответственно русских – 71%. Достойными доверия считают себя 38% эстонцев, но у русских эта характеристика эстонцев выше – 44% [19, с. 241].

Наибольшее несоответствие в оценках вызывает такое качество эстонцев, как честность. Почему современные русские жители Балтии воспринимают преувеличенно обычное состояние нормальной человеческой личности? Возможно, это связано с базовыми этническими различиями в общественно-политической организации России и стран Балтии. Административные отношения в странах Балтии основаны на следовании законам, которые могут быть оценены населением как необоснованные, жёсткие или несправедливые, но эти отношения, как правило, не выходят за рамки правового поля. К примеру, латышский чиновник может сколь угодно долго демонстрировать свою личную неприязнь, но делать это он будет в корректной форме, соблюдая при этом границы, определённые существующим законодательством. Государственная система представляется там «холодной», но зато открытой и честной, и потому легко прогнозируемой. Такая система не требует длительной адаптации, так как она исключает такие малопонятные для европейского сознания категории как законодательный хаос, административный ресурс, телефонное право, произвол силовиков и т.п.

В России, по известной поговорке, «строгость законов компенсирует необязательность их исполнения». Поэтому россиянин, оказавшись в социальном окружении, где нормой является обязательность, последовательность, прозрачность и честность, прежде всего в отношениях между политическими верхами и низами, не может удержаться от некоторого эмоционального потрясения, а отсюда и преувеличений в оценке абсолютно естественных между людьми форм отношений.

Общим объединяющим свойством народов Балтии является их высокая оценка знания, культуры, образования. Интеллигенция всегда пользовалась здесь огромным уважением. Почтительное и бережное отношение к образованным соотечественникам заметно отличает эти народы от россиян. Самые высокие памятники там сооружены в честь просветителей. Латыши, литовцы и эстонцы с искренним недоумением воспринимают традиционное русское ругательство, выраженное в таких категориях как «умный», «интеллигент», «а ещё очки (шляпу) надел» или неприязненное отношение к культурным и образованным соотечественникам, сконцентрированное в самодовольном «мы университетов не кончали». Это ещё раз заставляет нас убедиться в том, что в обществе с резким разрывом между наиболее образованной частью населения и остальной массой могут возникать очаги глухого и неконтролируемого раздражения и напряже-

ния. А «у культурной элиты в этом случае нет возможности влиять на ситуацию и контролировать ход событий, – замечает Ю. Левада. – Она не авторитетна для менее образованных групп. А это значит, что опасность неожиданных и наиболее грубых форм конфликтов резко повышается. Прибалтика в этом смысле даёт наиболее приемлемые формы смягчения конфликтов» [5, с. 178].

Правовая самоорганизация, широко развитая у остзейских немцев, служила примером для латышей и эстонцев. Малочисленные народы, которым противостоял сплочённый и прекрасно организованный немецкий господствующий класс, имели весьма ограниченные возможности сохранения своего этноса. Их ресурсом была лишь самоорганизованность. С этим связано и соотношение категорий «поведение» и «поступок» в системе этнических ценностей. Если для русского человека более высокой ценностью является поступок, то для эстонца, латыша и, в меньшей степени литовца такой ценностью является поведение. Способность к постоянной и последовательной деятельности более свойственна их национальному характеру.

Если русские отличаются выносливостью, умением адаптироваться к самым трудным условиям, великодушием, всемирной отзывчивостью, то для прибалтийских народов присуща аккуратность, дисциплинированность, обязательность. Именно эти качества, наряду с организованностью и высокими требованиями к среде проживания создавали этим народам репутацию «советских европейцев» в глазах остального населения Советского Союза. Балтийские народы требовательно относятся к повседневности, быту. Иногда русские это называют недостатком романтизма, духовности. В системе ценностей прибалтийских народов нормы межличностного общения, бытовое поведение являются приоритетными. Здесь достаточно распространён источник непонимания, и даже конфликтов с представителями русской диаспоры.

Вот характерный пример. В 1960-х гг. Пеэтер Тульвисте как лучший выпускник тартуской средней школы был направлен в Московский государственный университет на психологический факультет. В Эстонию он вернулся доктором психологических наук – первым доктором в республике по этой специальности. А вскоре стал ректором Тартуского университета. В 1992 г. он выдвинул свою кандидатуру на пост президента Эстонии от партии «Исамаалийт». В ходе избирательной кампании в одном из телеинтервью журналисты его спросили о наиболее сильном впечатлении во время учёбы в Москве. Ответ был обескураживающим для российских журналистов. Оказалось, что сильнее всего на него подействовало то, что в первый день пребывания в Москве во время обеда в студенческой столовой кто-то взял у него со стола без разрешения соль и горчицу.

Русскому трудно понять, что для эстонца бытовое поведение человека в такой степени

важно для характеристики личности. Человек, не умеющий себя вести в обществе, – это для эстонца если не приговор, то, по крайней мере, знак «стоп». Но здесь есть и более глубокое культурологическое объяснение. Соль и горчица, как и обеденный стол, входят в личное пространство человека, сидящего за этим столом. Взять без разрешения соль или горчицу значит нарушить это пространство и тем самым проявить неуважение к личности, или, что ещё хуже, проигнорировать само понятие «личность» – фундаментальную ценность западного менталитета.

Воздействие феодального права и этики средневековой Европы, отличало народы прибалтийских республик (в большей степени латышей и эстонцев, в меньшей – литовцев) от других народов СССР, в том числе и от русского. Это различие проявляется не только в уважении к личности, к её правам, к собственности, но и в уважении к закону, в законопослушности. В общей системе ценностей этих народов эта установка является базовой. Ни в одном из языков балтийских этносов не существует аналогов русским пословицам «Закон, что дышло...», «С богатым не судись» и т.п. Западноевропейский пиетет перед такими ценностями, как право, равенство всех граждан перед законом, наглядно отражён в ставшем хрестоматийным эпизоде XVIII в., когда король Пруссии Фридрих Великий проиграл суд мельнику, свойствен и балтийским народам. Уважение к договору, к официальному документу у представителей этих народов заложено в генах. Эти качества были эффективно использованы большевиками во время гражданской войны. У первых советских руководителей не было более надёжных воинских подразделений, чем латышские. Многие отечественные и зарубежные историки считают, что без «красных латышских стрелков» большевики не смогли бы удержать власть. Можно указать и на эпизод второй мировой войны: 2 мая 1945 г. в Берлине при штурме рейхстага дольше всех сопротивлялся латышский взвод.

Представители балтийских народов часто становились жертвами собственной педантичной аккуратности в выполнении своих обязанностей. Так, по рассказам бывших узников сталинских лагерей, латыши и эстонцы, в отличие от своих солагерников, были излишне добросовестны. На предложение товарищей по несчастью сделать «перекур», пока нет надзирателя, ответ обычно был один: а как же норма? Норму они выполняли почти всегда, но зато значительно чаще других обитателей ГУЛАГа погибали от истощения. Тот факт, что русские, да и вообще славяне умеют лучше переносить трудности, чем другие европейские народы, заставляет вспомнить разговор Папы Римского Иоанна Павла II во время его учёбы в Риме с одним из однокашников. «Мой коллега, – рассказывает понтифик, – выразился примерно так: «Господь Бог попустил, чтобы эксперимент зла,

■ Мировая политика

каким является коммунизм, пал на вас... А почему он это попустил?» И сам дал ответ, который я считаю знаменательным: «Нас на Западе пощадили, возможно, потому, что мы, на Западе Европы, не выдержали бы подобного испытания, а вы – выдержите» [6, с. 8].

У наших балтийских соседей популярна упрощённая схема того, как менялось взаимное восприятие двух основных общин. Что в идеале хотел бы лимитчик при советской власти, скажем, в Латвии? Чтобы всё было так, как есть, но только лучше вообще без латышей. С чем, естественно, латыши категорически не могли согласиться. Чего в идеале ожидал латышский хуторянин при советской власти? Чтобы Латвия была самостоятельной, а все русские вернулись в Россию. С чем русские были также не согласны, хотя и не с такой абсолютной категоричностью. Как это выглядит сегодня? В идеале русские хотели бы получить равноправие во всём: в политической жизни, в возможности работать в государственных учреждениях, в использовании русского языка и т.п. В идеале латыши видели превращение своей страны в монокультурное и моноэтническое государство, что должно быть достигнуто эмиграцией несогласных русских и ассимиляцией согласных. Вот на этом психологическом пространстве между крайними ожиданиями и стремлениями постепенно развивался процесс смягчения взаимного восприятия. И уже к середине 2000-х гг. обе стороны в той или иной мере признавали целый ряд важных исходных моментов, составляющих основу для поиска компромиссов. В числе таких моментов можно выделить следующие: русские в Балтии – не просто община, но малая часть великого народа, и не просто великого народа, а народа огромного соседнего государства (в отличие, например, от китайской общины в США). У латышей (литовцев, эстонцев) другой родины, кроме Латвии (Литвы, Эстонии), нет. Если завтра Латвия (Эстония) станет идеально демократическим государством с полным равенством всех здесь проживающих, то послезавтра здесь окажется ещё несколько десятков тысяч россиян, в первую очередь из неблагополучных регионов России.

По прошествии почти четверти века после обретения независимости страны Балтии являют сегодня – Латвия и Эстония в большей,

Литва в меньше степени – двухобщинными государствами. По примеру Бельгии, где сосуществуют два основных этноса со своей культурой и своим информационным пространством. При этом многие авторитетные политики Балтии понимают значение русской диаспоры в увеличении созидательного потенциала своих малочисленных этносов. «Нас так мало, – сказала в одном из интервью известный политический деятель Эстонии, профессор Тартуского университета Марью Лауристин. – И надо найти применение каждому человеку, беречь каждого человека, будь он эстонец или русский, молодой или старый, мужчина или женщина. Каждый нужен. Все нужны» [25].

В то же время произошла деидеализация русскими других народов Запады (американцев, немцев, французов и др.) по сравнению с народами Балтии («эстонцы хороши, но и эти не лучше»). Точно так же, как и у прибалтов – «русские хороши, но и финны не лучше». В нынешней ситуации сходство нарастающих трудностей, которые несут с собой глобальные угрозы, как для русских, так и для титульных народов Балтии больше способно объединить живущих на этой территории, чем разводить их по национальному признаку. Один из основателей отечественной психологии Лев Выготский подчёркивал, что с «общепсихологической точки зрения осознание сходства требует более развитой способности общения и концептуализации, чем осознание различия, которое возможно уже на чувственном уровне» [2, с. 135]. Как русские, так и прибалтийские народы, будучи европейцами, не только принадлежат к общей христианской культуре, но и географически принадлежат к северным народам Европы, что необходимо иметь в виду, проводя сравнительный анализ. Несколько лет назад, полемизируя с национал-радикальными политиками, эстонский писатель Каур Кендер заметил: «сейчас русские не всегда хорошо воспринимаются эстонцами, но это ненадолго. Как только арабы или турки станут доминировать на Балтике, то эстонцы обнаружат, что русские такие же угры, как и мы, только наши предки дошли до моря, а их освоили континентальные земли» [23]. Сегодня этот прогноз становится ещё более актуальным.

Список литературы

1. Аарелайд А., Белобровцева И. О возможности эстонско-русского культурного диалога. В поисках национальной идентичности//На перекрёстке культур: русские в Балтийском регионе. Калининград, 2004.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1982.
3. Гумилёв Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М., 1992.
4. Драгунский Д., Сергеев В. Этнос и политическая власть//Век XX и мир, 1993, № 9.
5. Есть мнение. Под общ. ред. Ю.А.Левады. М., 1990.
6. Иоанн Павел II. Память и идентичность//Россия в глобальной политике, 2005, №2.
7. Ключевский В.О. Соч. в 8 томах. М., т.1.1956.
8. Кустарёв А. Прошлое закончено. //Новое время, 2002, № 47.

9. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.35.М., 1979.
10. Михник А. Серое – прекрасно//Мир перемен, 2004, № 1.
11. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991.
12. Национальные и этнические группы Латвии. Рига, 1998.
13. От Лифляндии – к Латвии. Прибалтика русскими глазами. Составил Ю.Абызов. М., 1998.
14. Ранкур-Лаферьер Д. Россия и русские глазами американского психоаналитика. В поисках национальной идентичности. М., 2003.
15. Савоскул С.С. Русские в новом зарубежье. М., 2001.
16. Семёнов А. О возможности эстонско-русского культурного диалога. В поисках национальной идентичности//На перекрёстке культур: русские в Балтийском регионе. Калининград, 2004.
17. Симонян Р.Х. Перемены в массовом сознании российской диаспоры//Психологический журнал, 2004, № 2
18. Симонян Р.Х. Образ Балтии в российских СМИ//Социологические исследования, 2004, № 6.
19. Хейно Х. Массовое сознание русских и их религиозность в условиях национального меньшинства (русские в современной Эстонии)// Старые церкви, новые верующие. М., 2000.
20. Цилевич Б. Время жёстких решений. Рига, 1993.
21. Эглайс О. Письмо Н.С.Хрущёву.1962 // РГАНИ., ф.5, оп.30, д.406, л.57-58.
22. Jurkans J. Diena, Riga, 19.11.1994.
23. Kender K. Avatud suhtlus kirjanik// Eesti Päevaleht, Tallinn, 26.05.2003.
24. Kissinger H. World Order. New York, 2014.
25. Lauristin M. Poliitik vastused küsimustele //Postimees, Tallinn, 02.09.2010.
26. Misiunas R., Taagepera R. The Baltic States. Years of Dependence.1940-1990. London, 1993.
27. Zepa B. Social Integration in the Baltic States. Streaming towards Social Stability // Social Studies. Vilnius; Tampere. 2008, № 4.

Об авторах

Ренальд Хикарович Симонян – руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН, главный научный сотрудник Центра Северо-европейских и Балтийских исследований ИМИ МГИМО МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Тамара Михайловна Кочегарова – научный сотрудник Института социологии РАН, учёный секретарь Российско-Балтийского центра ИС РАН. E-mail: vestnik@mgimo.ru

RUSSIANS AMONG THE PEOPLES OF THE BALTIC STATES: THE ORIGINS OF MUTUAL PERCEPTIONS AND RELATIONS

R.H. Simonyan, T.M.Kochegarova

Institute of Sociology RAS. 117218, Moscow, Krzhizhanovskogo str. 24/35 build 5.

Abstract: *The Baltic countries - the next neighbors of Russia, whose history is closely linked with our country in the period of Kievan Rus, the Grand Duchy of Moscow, the Russian Empire, the Soviet Union, and today in a broad European context. Both Russia and the Baltic states are the states that make up the Baltic region. The role of this region in the European integration is the key. The border between Russia and the European Union, Russia and the EU are in direct contact, there is a direct interaction between the peoples of Europe, divided by confrontations of the twentieth century. In this border area sociocultural diffusion occurs between the two parts of the European continent.*

Factor of cooperation of neighbors is an essential guarantee of stability of the world system. For this cooperation to be productive, you must have an adequate view of the neighbors, about the processes that take place there. Knowing immediate environment in a globalized world is a prerequisite for good neighborly relations. The condition of willingness to help, if needed. In the current civilization elevated risk mutual definitely be in demand. Historical experience shows that the lack of objective knowledge is the cause of misunderstanding, and often the source of origin of enmity. This is not only of interest to neighboring nations, but the need to have certain knowledge about them, are closely linked to historical responsibility. Feature stories is that it is inextricably linked with modernity. For public decision-making needs of reliable

■ Мировая политика

knowledge about the processes that led to the present, the historical conditions of social psychology folding neighboring nations, forms of expression of their national characteristics.

On the basis of sociological methods - from the study of documentary and literary sources, analysis of the results of mass surveys to group discussions and participant observation - analyzes the problems of mutual Russian and Baltic peoples.

Key words: intercultural interaction factor Neighborhood, general and particular, Western and Eastern Christianity, the Baltic region, ethnic characteristics, socio-cultural phenomenon of migrant, myths and stereotypes in the perception of ethnic groups.

References

1. Aarelaid A. Belobrovtseva I. On the Possibility of the Estonian-Russian Cultural Dialogue. In Search of National Identity. At the crossroads of cultures: Russian in the Baltic region. Kaliningrad, 2004.
2. Vygotsky L.S. Thinking and speech. Moscow. 1982 (In Russia)
3. Gumilyov L.N. From Russia to Russia. Essays ethnic history. Moscow. 1992. (In Russia)
4. Dragunsky D., Sergeev V. Ethnicity and political power. 21 Century and Peace. 1993, № 9. (In Russia)
5. Levada J. (ed.) There is an opinion. Moscow, 1990. (In Russia)
6. Pope John Paul II. Memory and Identity. Russia in Global Affairs, 2005, №2. (In Russia)
7. Klyuchevskiy V.O. Works in 8 volumes. Vol.1. Moscow.1956. (In Russia)
8. Kustarev A. The past is over. New Times, 2002, № 47. (In Russia)
9. Lenin V.I. Compiled Works. Vol.35. (In Russia)
10. Michnik A. Gray – perfectly. Change the World. 2004, № 1. (In Russia)
11. The National Economy of the USSR in 1990. Statistical Yearbook. Moscow, 1991. (In Russia)
12. National and ethnic groups in Latvia. Riga, 1998. (In Russia)
13. From Livonia - Latvia. Baltic Russian eyes. Compiled Y. Abyzov. Moscow, 1998. (In Russia)
14. Rancourt-Laferer D. Russia and Russian eyes of the American psychoanalyst. In search of a national identity. Moscow, 2003. (In Russia).
15. Savoskul S. Russian in the new countries. Moscow, 2001. (In Russia).
16. Semenov A. The possibility of the Estonian-Russian cultural dialogue. In search of national identity. At the crossroads of cultures: Russian in the Baltic region. Kaliningrad 2004. (In Russia)
17. Simonyan R.H. Changes in the mass consciousness of the Russian diaspora. Psychological Journal, 2004, № 2. (In Russia)
18. Simonyan R.H. The image of the Baltic States in Russian media. Sociological research, 2004, No. 6. (In Russia)
19. Heino H. Russian mass consciousness and religiosity in a minority (Russian in Estonia today). The old church, the new believers. Moscow, 2000. (In Russia)
20. Tsilevic B. Time hard decisions. Riga,1993. (In Russia)
21. Eglays A. Letter N.S.Hrushev.1962. RGANI., F.5, op.30, d.406, l.57-58. (In Russia)
22. Jurkans J. Diena, Riga, 19.11.1994.
23. Kender K. Avatud suhtlus kirjanik. Eesti Päevaleht, Tallinn, 26.05.2003.
24. Kissinger H. World Order. New York, 2014.
25. Lauristin M. Poliitik vastused küsimustele. Postimees, Tallinn, 02.09.2010.
26. Misiunas R., Taagepera R. The Baltic States. Years of Dependence.1940-1990. London, 1993.
27. Zepa B. Social Integration in the Baltic States. Streaming towards Social Stability. Social Studies. Vilnius; Tampere, 2008, № 4.

About the authors

Renald H. Simonyan – Head of the Russian-Baltic Center Institute of Sociology of RAS , chief researcher at the Center for Nordic and Baltic Studies IMI MGIMO(University) MFA of Russia. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Tamara M. Kochegarova – researcher at the Institute of Sociology of RAS, Scientific secretary of the Russian-Baltic center IS RAS. E-mail: vestnik@mgimo.ru.